

Земля и грёзы

о покое

Гастон Башляр

Перевод с французского Бориса Скуратова

Издательство АСТ
Москва

Подписывайтесь на наши
социальные сети, если вечно
стремитесь к тишине и покою
как возвращению к себе

**LA TERRE
ET LES
RÊVERIES
DU REPOS**

Gaston Bachelard

Земля и грёзы

о покое

Гастон Башляр

Перевод с французского Бориса Скуратова

Издательство АСТ
Москва

УДК 82.09:1
ББК 83.3(0)+87.3(4Фра)
Б33

Gaston Bachelard

LA TERRE ET LES RÊVERIES DU REPOS

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Печатается с разрешения Les Editions Corti
All rights reserved

Башляр, Гастон.

Б33

Земля и грёзы о покое / Гастон Башляр ; [перевод с французского Б. М. Скуратова]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 416 с. — (*Слово современной философии*).

ISBN 978-5-17-151830-1

В книге «Земля и грёзы о покое» философ Гастон Башляр продолжает свое исследование поэтической онтологии образов, посвященное стихии земли. Эта работа завершает дилогию, начатую в «Земле и грёзах воли», и фокусируется на образах покоя, дома, укрытия, корня, сна — через которые человек интуитивно осваивает свое место в мире.

Башляр анализирует произведения Виктора Гюго, Шарля Бодлера, Рильке, Новалиса, Эдгара По, Жан-Поля Сартра и других авторов, чтобы показать, как земля становится символом внутреннего прибежища и прекращения движения. Он развивает концепции дома как защиты, пещеры как первичного укрытия, корня как образа устойчивости и лабиринта как структуры медитативного уединения.

Для читателя, исследующего перекрестки философии, поэтического воображения и психоаналитической мысли.

УДК 82.09:1
ББК 83.3(0)+87.3(4Фра)

© Editions Corti, 1942, 1943, 1948, 1947
© Б. М. Скуратов (наследники), перевод, 2023
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-151830-1

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1. Грезы о материальной сокровенности 17

ГЛАВА 2. Распри в сокровенности 77

ГЛАВА 3. Воображение качеств.

Ритмический анализ и нюансировка 101

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 4. Родной дом и дом онирический 121

ГЛАВА 5. Комплекс Ионы 161

ГЛАВА 6. Грот. 221

ГЛАВА 7. Лабиринт. 255

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 8. Змея. 315

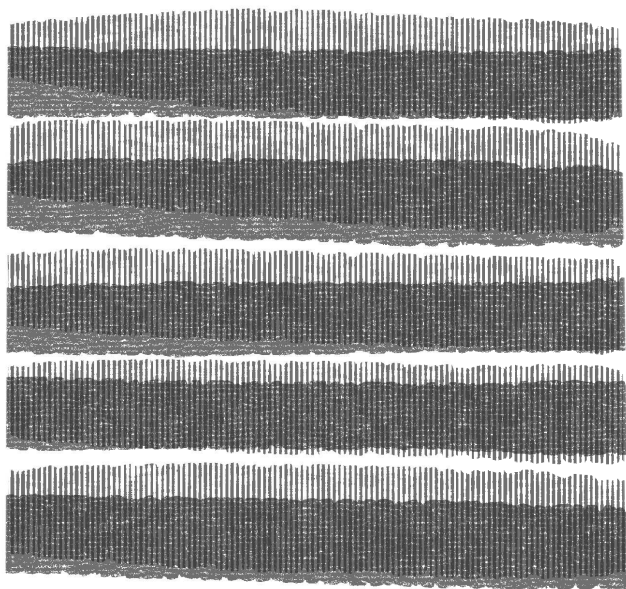
ГЛАВА 9. Корень 349

ГЛАВА 10. Вино и лоза алхимиков 389

Б. М. СКУРАТОВ. Башляр и психология

Несколько соображений переводчика 402

ПРЕДИСЛОВИЕ

Земля — это стихия, весьма подходящая для того, чтобы скрывать и являть вверенные ей предметы.

«Космополит»

I

Мы начали изучение материального воображения *земной* стихии в только что вышедшей книге «Земля и грезы воли». В ней мы рассматривали преимущественно динамические впечатления или, точнее говоря, динамические импульсы, пробуждающиеся в нас, когда мы формируем материальные образы земных субстанций. По существу, представляется, что стоит нам прикоснуться к различным видам земной материи с любопытностью и смелостью, как они пробудят в нас волю к их обработке. Итак, мы полагали, что можем говорить об *активистском воображении*, и привели множество примеров воли, которая грезит и, грезя, наделяет свои действия будущим.

Если бы можно было систематизировать все импульсы, доходящие до нас из *материи* вещей, то на наш взгляд, удалось бы выправить слишком формальные элементы психологии намерений. Мы отличали бы замыслы мастера от замыслов рабочего. Мы поняли бы, что *homo faber* — это не просто наладчик, но еще и формовщик, литейщик, кузнец. Под выверенной формой он стремится обнаружить необходимую материю, материю, которая может действительно *стать опорой* формы. В воображении он переживает такую *опору*; он любит материальную жесткость, которая только и может придать форме длительность. И тогда человек как будто пробуждается для противодействия, для деятельности, предошущающей и предвидящей сопротивление материи. На этом и основывается психология предлога *против*, движущегося от впечатлений

непосредственно данного, неподвижного и холодного *против* в сторону *против* сокровенного, защищенного множеством окопов, никогда не прекращающего сопротивление. Итак, изучая в предыдущей книге психологию *противления*, мы начали рассмотрение образов глубины.

Но образам глубины присущ не только этот признак враждебности; для них характерны и аспекты гостеприимства, аспекты приглашения, а также прямо-таки динамика привлечения, привлекательности, призыва к легкому обездвижению с помощью мощных сил земных образов сопротивления. Стало быть, наше первое исследование воображения земли, написанное под знаком предлога *против*, следует дополнить исследованием образов, находящихся под знаком предлога *внутри* (*dans*).

И как раз изучению образов последнего типа мы посвящаем настоящую работу, которая, следовательно, представляет как естественное продолжение предыдущей.

II

Впрочем, когда мы писали эти две книги, мы не стремились к абсолютному разделению двух точек зрения. Ведь образы — не понятия. Они не изолируются в своих значениях. Они именно стремятся преодолеть свои значения. И тогда воображение становится многофункциональным. Не успели мы различить два аспекта, как их уже надо объединять. Фактически в весьма многочисленных материальных образах земли можно ощутить *действие амбивалентного синтеза*, диалектически объединяющего *против* и *внутри* и демонстрирующего несомненную слитность процессов экстравертирования и интровертирования. Начиная

с первых глав нашей книги «Земля и грезы воли» мы показывали, с какой яростью воображение *стремится* копаться в материи. Все значительные силы человека — даже когда они разворачиваются вовне — воображаются в *сокровенности*.

А следовательно, в той же степени, в какой в предыдущей книге мы отмечали во встреченных образах все, что относится к *сокровенности материи*, в настоящей работе мы не преминем подчеркивать то, что относится к воображению *враждебности материи*.

Если бы нам возразили, что интровертичность и экстравертичность следует характеризовать исходя из *субъекта*, мы ответили бы, что воображение и есть не что иное, как субъект, перенесенный внутрь вещей. В таких случаях образы несут на себе «клеймо» субъекта. И клеймо это настолько отчетливо, что в конечном счете именно посредством образов можно провести самую несомненную диагностику темпераментов.

III

Впрочем, в этом кратком предисловии мы хотим попросту привлечь внимание к обобщенным аспектам наших тезисов, и лишь при встрече с конкретными образами — прояснить более частные проблемы. Итак, наскоро продемонстрируем, что всякая воображаемая материя, всякая материя, о которой размышляют, сразу же становится образом сокровенности. Сокровенность эта считается отдаленной; философы толковывают нам, что она скрыта от нас навсегда, что стоит приподнять над тайнами субстанции одно покрывало, как тут же натягивается другое. Но эти доводы здравого смысла не останавливают воображение. Оно тотчас же находит ценность всякой суб-

станции. Стало быть, материальные образы немедленно трансцендируют ощущения. Образы формы и цвета вполне могут быть преобразованными ощущениями. Материальные образы приводят нас к более глубокой эмоциональности, и именно поэтому они укоренены в более глубинных слоях бессознательного. Материальные образы субстанциализируют некий *интерес*.

Эта субстанциализация сгущает многочисленные и разнородные образы, зачастую рождающиеся в ощущениях, столь отдаленных от *явленной* реальности, что кажется, будто *внутри* воображаемой материи содержится целая осязаемая вселенная хотя бы в потенции. И тогда для того, чтобы вывести всю диалектику грез, касающихся внешнего мира, уже не будет достаточно стародавнего дуализма *Космоса* и *Микрокосма*, вселенной и человека. Тогда речь пойдет об Ультракосмосе и Ультрамикрокосме. Мы грезим по ту сторону мира и по сию сторону наиболее четко определенных человеческих реалий.

Стоит ли тогда удивляться, что материя влечет нас в глубины своей малости, внутрь своей зернистости, к самой изначальности своих зародышей? Нам понятно, почему алхимик Жерар Дорн смог написать: «Нет никаких границ для центра, бездна его качеств и арканов беспредельна»¹. Это происходит потому, что центр материи становится центром интересов, входящих в царство ценностей.

Разумеется, при таком погружении в бесконечно малые области субстанции наше воображение доверяет самым что ни на есть необоснованным впечатлениям. С этой точки зрения материальные образы у людей, руководствующихся рассудком и здравым смыслом, счи-

¹ Цит. по: *Jung C. G. Paracelsica*, p. 92.

таются иллюзорными. Тем не менее мы проследим перспективу этих иллюзий. Мы увидим, как совершенно наивные и реальные первообразы недр вещей, взаимовложения зерен, способствуют нашим грезам о сокровенности субстанций.

И как раз грезя о такой сокровенности, грезят о покое бытия, об укорененном покое, о покое, обладающем *напряженностью*, а не просто представляющем собой чисто внешнюю неподвижность, которая царит между инертными предметами. Именно поддаваясь соблазну этого сокровенного и напряженного покоя, некоторые души определяют человека через покой, через субстанцию, в противоположность усилиям, затраченным нами в предыдущем труде, чтобы определить человеческое существо через внезапность и динамизм.

Из-за невозможности вывести в книге о стихиях метафизику покоя мы предприняли попытку охарактеризовать его наиболее непреложные психические тенденции. Если взять покой в его человеческих аспектах, над ним с необходимостью будет доминировать *инволютивная* психика. Уход в себя (*le repliement sur soi*) не может оставаться абстрактным понятием. Он наделяется повадками *свертывания*, тело становится объектом для самого себя и касается самого себя. Стало быть, для нас оказывается возможным привести образы этого *свертывания*.

Мы рассмотрим образы отдыха, убежища, укоренности. Несмотря на весьма многочисленные их разновидности, вопреки очень важным различиям в их внешнем виде и формах, мы признаем, что все эти образы являются если не изоморфными, то, по крайней мере, изотропными: все они советуют нам произвести одно и то же движение возвращения к истокам покоя. Например, дом, чрево и пещера отмечены одной вели-

кой чертой возвращения к матери. В этой перспективе повелевает и руководит бессознательное. Онирические ценности становятся все более стабильными, все более регулярными. Все они устремлены в сторону абсолютизации ночных, подземных сил. Как пишет Ясперс, «подземные силы не желают, чтобы их считали относительными, и если они, в конечном счете, торжествуют, то без посторонней помощи»¹.

Именно этими ценностями *абсолютного бессознательного* мы руководствовались в поисках *подземной жизни*, которая для стольких душ является идеалом покоя.

¹ *Jaspers K.* La Norme du Jour et la Passion pour la Nuit. Trad. Corbin // Hermes. I, janvier 1938, p. 53.